

Дарья Ткачук

ЖИЗНЬ на грани

16+

Дарья Ткачук

Жизнь на грани

«Логос»

2020

УДК 82-32
ББК 84(2 Рос=Рус)

Ткачук Д. Л.

Жизнь на грани / Д. Л. Ткачук — «Логос», 2020

ISBN 978-5-00143-161-9

Жизнь – это удивительное и сказочное явление. Она появляется ниоткуда и уходит в никуда. Но ещё более странным является наше отношение к ней: мы тратим драгоценные минуты на сущую ерунду, на обиды и ссоры, на накопление благ и выстраивание ненужных отношений. За всем этим мы перестаём чувствовать вкус жизни, перестаём испытывать радость от простых слов, забываем о сочувствии и милосердии, проходим мимо чужой боли, совсем позабыв, что каждую секунду мы ходим по грани. Герои книги оказались на грани Жизни и Смерти, на грани собственных чувств, ощутили тяготы потерь. Но в их жизни есть место для надежды...

УДК 82-32
ББК 84(2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00143-161-9

© Ткачук Д. Л., 2020
© Логос, 2020

Содержание

Жизнь на грани	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дарья Леонидовна Ткачук

Жизнь на грани

© Ткачук Д. Л., текст, 2019

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2019

© ИП Суховейко Д. А., издание, 2019

Жизнь на грани

I

Жизнь похожа на смертельную схватку с самым свирепым врагом, результат которой и станет последней наградой. Прикасаясь к телу противника, вдруг начинаешь всем телом ощущать бешеные динамичные толчки его сердца; два чужих тела вдруг сплетаются в одно целое, единое, непонятное существо, каждая клетка тела противника становится близкой тебе. Нанося удар по чужому телу, ты чувствуешь боль; получая рану от другого, ты видишь, как твой противник корчится от сжимающей острой бьющей силы. Горячая кровь из чужих ран обжигает и разъедает собственное тело. Ты вгрызаешься в горло своему противнику, и жизнь вдруг останавливается, нет больше времени и пространства, нет чувств и дел, нет прошлого и будущего – лишь это драгоценное мгновение, в котором жизнь зависит от твоего умения терпеть и ждать... Ждать того момента, когда у одного из вас вдруг вконец иссякнут силы, и это действительно страшно, потому что никто не знает, чья именно жизненная нить окажется тоньше и кто же наконец опустит голову первым. Жизнь – это бой, страшный и кровопролитный, бой, в котором нет побеждённых и победителей, но есть выживший. Так, раз одержав победу, не стоит думать, что на этом всё закончится, – стоит напрячь всё тело, втянуть голову, сощурить глаза, присесть в боевую стойку и ждать новых ударов Жизни. При этом все тянущие и ноющие раны не дают себя забыть, доставляя жгучую, несмолкаемую боль. Такой Жизнь предстаёт для многих, кто готов биться, кусаться, драться, топтать, падать, вставать и вновь идти вперёд. Такова Жизнь. Но есть и такие бойцы, для которых сам процесс борьбы доставляет не столько физическую боль, но душевную, а такая боль самая что ни на есть страшная и нестерпимая. И есть те, кто, не вынося такого положения вещей, старается как можно скорее прекратить этот бой, склоняя голову как можно ниже. Таких личностей в полку «вечных бойцов» принято называть глупым и пустым словом – «самоубийцы». Но разве можно в таком сочетании пустых букв передать то душевное страдание, которое они испытывают в самом процессе борьбы, то состояние невыносимости и непереносимости действительности, которое невозможно пережить, то замирание времени, которое выталкивает тебя в другой временной отрезок, где всё иначе и каждый раз всё по-новому? Может быть, на такой порыв смирения подталкивает невозможность человека перенести перемены или же нежелание доставлять боль другому, а может, кто-то категорически не переносит вкус чужой крови... Кто его знает, зачем природа создала нас одинаковыми внешне, при этом внутренние кувшины, наполняющие души, заполнив кому чем и кому как, а кому и вовсе пожадничав и оставив ёмкость пустой. В этом нет вины ничьей, так же как не было вины и Женькиной, которая всячески страдала и мучилась, но так и не могла принять Жизнь такой, какой она была, так же как и Жизнь не желала принять во внимание Женькин выбор, всячески игнорируя её претензии. Так они и существовали: Женька пригибала голову, а Жизнь наносила удары мимо...

* * *

Снова мокрые капли дождя с тяжёлым громким звуком ударялись о стекло и, неприятно замерев на секунду, словно бы вглядываясь в пустое пространство комнаты, быстро стекали вниз, оставив за собой мокрую извилистую дорожку. Женька поморщилась от неприятного чувства безысходности, навеванной мокрой, холодной погодой, которая, словно бы наслаждаясь самим процессом, размазывала серую грязь по улицам и надевала угрюмые маски на лица

прохожих. Сидя на подоконнике и подложив ногу под себя, Женька безразлично вглядывалась в тёмное сырое небо, которое с жадностью весь летний жаркий день копило влагу, высасывая её по капле с разгорячённых тел распаренных прохожих, с тёплых, переполненных голыми телами озёр и рек, а потом вдруг решило со всей ненавистью и злобой извергнуть всё накопленное на невинные головы людишек, словно бы надеясь утопить их в серых потоках холодной воды. Где-то из-за соседних домов грозно и сиюминутно мелькнула молния, на пару секунд опередив громкий рокочущий голос Неба. Так бывает, когда в порыве гнева человек сначала бросает грозный взгляд на противника, по которому уже понятен внутренний настрой негодующего, а потом только он раздражается целой тирадой оскорбительных или гневных слов. Но что значат слова? Женька понимала, что слова, по сути, пусты, они несут только форменное, исполняют роль красивой обёртки, пряча в красивую коробку всё что угодно. В коробке могут быть и конфеты, и фантики. Вспомнился Женьке и тот случай, когда в красивую коробку кто-то, страстно ненавидящий жизнь и всё живое, положил что-то взрывоопасное. И мальчишке из их школы, который учился в старших классах, пришлось хорошо поплатиться за красивую коробку с некрасивым содержанием тремя пальцами и навсегда оставившими память безобразно некрасивыми шрамами на лице. Женька поморщилась при воспоминании о некрасивом лице старшеклассника и посмотрела на дорогу. По серому асфальту струились грязные потоки холодной воды, с яростью уносящие с собой всё, что попадалось у них на пути: и пожелтевшие окурки, и шуршащие цветные фантики, и куски грязи. Пустые слова... Помнилось, как совсем недавно ещё, стоя в дверях, ошестинившись руками, упёртыми в бока, её мать, откидывая резким движением головы белокурую, выжженную ядовитой краской прядь, с ненавистью смотря на отцовскую фигуру, странно сгорбленную в дверях и что-то бормочущую себе под нос, громко кричала: «Пустые слова!!!» После чего, за исключением нескольких похожих яростных сцен, отец вдруг исчез из жизни данной квартиры вместе с чемоданом своих вещей. После чего в квартире произошли серьёзные перемены: пропали ещё несколько вещей, как, например, семейные фото, серый мамин халатик, вкусно пахнущий обедом; в мусорном ведре оказались отцовские носки, зубная щётка, и из маминого телефона пропал мобильный телефон с пометкой «любимый» и появились: Игорёк, Саша, 1, 2, Костя-банкет, Ваня-красная кепка, кто-то и прочие. Вот с чего жизнь началась другая...

Очередной раскат грома немного отрезвил Женьку, отодвинув воспоминания о родителях, которые, полностью погрузившись в свои проблемы, забыли о существовании маленького человечка. Который, между прочим, в свои четырнадцать лет оказался вовсе не готов к таким переменам и совершенно не знал, что делать с упавшей на голову свободой. Женька сначала очень переживала и плакала, а потом вдруг в голову пришла совершенно страшная для любого человека мысль, что это никому не надо, да и она-то сама никому не нужна. И сначала ей стало больно – больно так, что она плакала на плече у подружки Наташки, плакала по-настоящему, а потом они вместе сидели на чердаке и пили какую-то муру, которую принесли мальчишки из соседнего подъезда, и курили сигареты, закашливаясь горьким дымом и проклиная всё на свете. А потом вдруг Женька узнала, что Наташка вместе с родителями уезжает в другой город, к заболевшей бабушке. Тогда только Женька поняла, что Жизнь – это бой со смертельным исходом, а ещё она поняла, что этот бой ей не по зубам. Захотелось вдруг сделать больно всем: чтобы вдруг, в одно мгновение перестать существовать, чтобы лежать на полу в такой красивой позе, вокруг разлившаяся эффектным пятном бурая лужа крови...

И все вокруг вдруг поймут, что по их вине, из-за их самовлюблённости и эгоизма, из-за их равнодушия и ненависти её, Женьки, вдруг не стало. И пусть они все до конца жизни умываются слезами и думают о ней – безвинно умершей по их вине жертве. Тут Женька задыхалась от восторга при мысли, какая она будет отомщённая и красивая с мертвенно бледным лицом, в красивой позе, недвижимая и несчастная, чтобы все поняли, как были виноваты перед ней. Эта мысль вот уже несколько дней прочно сидела у неё в голове, не давая покоя, но всё дело

упиралось в одно: как сделать красивую, эффектную смерть?! Однажды утром Женька вдруг проснулась с мыслью, что самый лучший вариант – это быстрый, красивый прыжок с высоты, и вот тебе уже и красивая поза, и лужа крови, и жалостливые вздохи соседей, упрёки всех и, наконец, мучительное раскаяние, боль на душе родителей о несчастной нелюбимой дочери. И пускай тогда весь мир поймёт, как много он потерял со смертью четырнадцатилетней девочки. Всё было продумано, план разработан. Правда, дверь на чердак оказалась закрытой, но зато окно в подъезде на пятом этаже было прекрасной заменой серого грязного чердака. Всё было прекрасно, и вот уже жаждущая мести душа безмолвно ликовала, как вдруг странное и совершенно ненужное происшествие всё изменило. Мысль о скором прыжке и представление, как ветер свистит в ушах, как высота на несколько секунд даст ощущение свободы (и не такой беспризорнической, какая у неё была в последнее время, а настоящей), как резкий удар, и всё! Нет больше ничего! Очень было интересно: а возможно ли умереть от остановки сердца ещё в полёте, и насколько будет больно, и будет ли вообще больно? Было много вопросов, которые отвлекали от основного плана, но вот уже Женька решила, что надо бы проверить всё на деле. И пускай будет больно, но ведь зато потом станет легко и навсегда! Боль ведь можно перетерпеть, а может, боли и не будет, но зато родители поймут, как они были неправы!!! Так вот, накануне утром произошло досадное событие, которое заставило совсем по-иному взглянуть на прыжок. Возвращаясь утром со школы (ну, то есть сначала рано утром якобы уйдя в школу, для матери, которая не особо-то занималась жизнью Женьки, и выждав немного времени, а затем уже возвращаясь домой), Женькин взгляд вдруг упал на окно девятого этажа в соседнем доме, где на балконной стенке, неестественно вывернув лапу, висела белая кошка с чёрными неаккуратными пятнами на спинке, которая яростно царапала вылезшими из мягких подушечек кривыми острыми когтями стенку балкона, аккуратно покрытого современным технологичным материалом. Вторая лапа, безобразно изогнутая, с одним крючковатым когтем, зацепилась за щель между стыками двух плит обшивочного материала. Больше всего Женьку потряс тот громкий, жалостливо взывающий кошачий крик, совершенно не похожий на ласковое мяуканье нежной домашней Мурки, а скорее напоминающий окрик чертей из преисподней. Первым порывом Женьки было побежать на помощь некрасивой, вероятно, случайно выпавшей из окна кошки. Но, к сожалению, судьба оказалась проворнее, и за считанные доли секунды неровно неестественная лапа кошки вдруг выгнулась ещё неестественнее, крючковатый коготь выскользнул из щели, и с диким криком, яростно перебирая лапами в воздухе, с бешено горящими глазами и чёрными пятнами на спине, кошка слетела вниз. Человеческому глазу сложно проследить за полётом предмета с такой высоты и с такой скоростью. Женька не сразу успела понять всё произошедшее, она и чёрные пятна на кошке не запомнила бы, если бы память не прокручивала ей эту страшную картину перед глазами в тысячный раз. Но страшнее всего был тот звук: шлепок, или хруст, или хряк. Вообще, пустому человеческому языку невозможно описать тот нечеловеческий звук, страшный и такой запоминающийся. Звук смерти, который в одно мгновение отделил бьющееся живое сердце от изуродованного, странно вывернутого в неестественной позе тела со сломанной шеей, ужасающе раскинутыми лапами таким образом, словно бы, уже летя вниз и понимая неминуемость своего конца, кошка решила пошире раскинуть все четыре лапы в надежде забрать с собой хотя бы ещё кого-нибудь живого. Было страшно смотреть на выступившую на мордочке кровь, на холодные стеклянные глаза, выпученные от испуга. Шерсть у кошки была словно бы мокрая, только вот от чего? Дождя на улице не было и луж на асфальте тоже... Когти тоже не успели снова спрятаться в мягкие безжизненные лапки и смотрелись теперь как-то нелепо, ведь даже у оборотней в страшных зарубежных фильмах после смерти пропадают шерсть и когти. Кошка от удара словно бы потеряла форму, что ли, то есть она была ещё кошкой (можно было в том существе, лежащем на сером асфальте, узнать ещё некогда мурлыкающую кошку), но в то же время она как-то перестала быть похожа на живых кошек. Она стала им чужой, словно бы и не кошкой вовсе... Женьке

было трудно объяснить это, но она прекрасно понимала, что то, что перед ней лежит, было чем угодно, но точно не кошкой! В ушах стоял гул, который перекрывал тот звук, похожий на шлепок мешка с картошкой, но в нём было что-то пугающее и запоминающееся на всю жизнь! Может быть, хруст костей или последнее хрипящее дыхание умирающего животного, а может быть, громкий последний стук живого сердца? Что-то такое, что в обыденный шлепок мешка с картошкой, упавшего с высоты, внесло тот момент, когда живое становится мёртвым. Женька долго смотрела на изуродованную форму, ещё несколько минут назад бывшую кошкой, а теперь бесцельно валяющуюся на грязной площадке перед домом. Было страшно от всего произошедшего, и Женька сидела на корточках, глядя мёртвое, но ещё тёплое тело, страстно желая, чтобы это страшное существо вдруг встало с асфальта, и пусть хромая или вовсе ползя на животе, но пошло. Чтобы оно было живым! Но тело так и осталось лежать, сначала ещё храня тепло живого, а потом и вовсе став холодным и чужим. Теперь вот, сидя на холодном окне, внимательно вглядываясь в серое, сырое небо, Женька всё думала: почему эта дурацкая кошка так крепко хваталась за щель между двумя плитами? И почему так и не остановилось время, когда вдруг одна жизнь перестала существовать? И почему так никто и не вышел помочь некрасивой кошке? Даже там, где она жила, никто не заметил, что нет в мире тёплой живой кошки с неровными чёрными пятнами, а вдруг появилось страшное неестественное существо с пугающе вывернутыми лапами и стеклянными глазами. Больше всего пугало Женьку то, а что, если и после её прыжка, который она считала красивым секундным полётом, открывающим человеку тайну свободы, вместо неё останется лежать вот такое изуродованное, обезображенное, с неестественно вывернутыми, загибающимися к себе новые жизни руками, со стеклянными глазами и небьющимся сердцем, а никто этого не заметит. И солнце так и будет светить, её тело так и будет ледяным, а никто так и не присядет перед ней на корточки и не будет гладить её искорёженное тело? И если никто не услышит такого шлёпающего удара, смешанного с хрустом ломающихся костей? И мама никогда не заметит того, что больше нет её Женьки, так же, как не заметили хозяева пропажу некрасивой кошки?

Придя домой, Женька долго плакала, не понимая, почему, если у кошек девять жизней, как говорят по телевизору, почему она стала холодной и мокрой. Когда вечером пошёл холодный дождь и в квартире стало темно от серых холодных туч, когда тяжёлые капли стали громко стучать в окно, а дома тишина и темнота наполнили всё пространство, Женьке вдруг нестерпимо захотелось посмотреть на грязный асфальт, который так жестоко забрал последнюю, девятую жизнь невинного существа. На площадке уже не было искорёженного, уродливого тела, холодный яростный дождь тщательно смывал все следы утреннего страшного события, а Женька, опухшая от слёз, тихонько шептала милой кошке, что никогда, НИКОГДА её не забудет, и искренне верила, что именно хозяева забрали бездыханное холодное тело некрасивой кошки и теперь горько плачут, поняв, как виноваты они перед Женькой...

II

Равнодушно рассматривая в тарелке то, что мама назвала обедом, Женька вполуха слушала материнскую болтовню о ночной смене, о необходимости помыть посуду и о том, что Женькины подобию волос пора бы уже помыть и причесать. Опять какой-то бред, который в последнее время стал заполнять безрадостную серую жизнь. Вот раньше было время: мать успевала и отдежурить (только почему-то не в ночь, как это стало с момента ухода отца), и приготовить вкусный обед, и прибраться Женькины апартаменты. Теперь всё изменилось: сначала мать несла какой-то бред о любви к Женьке, часто сидела в её комнате, гладила дочь по голове и много плакала, а потом вдруг стала часто уходить на дежурство в ночь, работала и днём, не говорила про отца ни слова. И Женька просто ненавидела её за то, что мать вдруг однажды стала громко кричать на некогда высокого, а теперь вдруг резко уменьшившегося и как-то

ссохшегося отца, вдруг в одночасье пропавшего из их жизни, вдруг выключившего телефон и переставшего любить её, Женьку. Вдруг с этих криков матери жизнь стала пустой и серой, дни стали безрадостными, а мать стала невкусно готовить и много молчать. В квартире стало тихо и неуютно. Наташка уехала. Спасало лишь одно – интернет. Там было много интересного, а много и вовсе странного, но жизнь стала тянуться быстрее. В школе вообще стала скукота невыносимая, подружки были глупыми, да и рассказывать им ничего не хотелось, вот была бы Наташка, но она уехала. Так, пропустив мимо ушей все напутствия и пожелания, пригладив топорщившиеся от грязи волосы, Женька снова присела перед небольшим окошечком, которое давало простор для жизни и скорее убивало время, чтобы хоть как-то прожить жизнь. Так, копаясь на одном из сайтов, вдруг зрение зацепила красивая надпись чёрного цвета, выведенная ровным почерком, которая гласила: «Весь мир скорбит об этой утрате». Женькино сознание словно бы и ждало этого, тут же представив, как весь мир скорбит об этой утрате, о том, что вот она, юная душа, безвинно пропала по вине этой холодной чёрствой женщины, которая так мерзко готовит котлеты и которая так грубо навсегда разлучила её с отцом. В голове поплыл туман красивых картинок, в которых весь мир скорбит и весь мир провозглашает вину этой чёрствой женщины. Статька была, в общем-то, не очень интересная, в которой говорилось о том, что молодая звезда современной эстрады, имевшая в жизни всё, что только можно пожелать, на самом пике своей славы вдруг покинула этот мир, перерезав жизнь на «до»

и «после» всего лишь одной петлёй. По телу вдруг забегали мурашки от восторга: вот, вернувшись с ночного дежурства, мать медленно шаркает на кухню, чтобы разогреть свои мерзкие котлеты, а там на столе ровным почерком выведены всего лишь несколько слов: «Не могу больше так жить. Ты добила своё...» И вот она бежит в Женькину комнату, распакивает дверь, а там на длинной верёвке, не доставая ногами с вытянутыми носочками, в красивом платье висит Женька, непокорная прядка волос слегка прикрыла лицо, мать подбегает и начинает рыдать – а уже поздно. Или для большего эффекта Женька может прошептать последнюю фразу, которая будет сопровождать мать всю жизнь и напоминать о её вине, правда, какая это будет фраза, Женька пока не придумала, но время ещё есть. Женькины глаза загорелись: ну конечно, какая же смерть может быть настолько красивой и эффектной, как повешение. Вот и всё: и мечь, и расплата, и грязные волосы, и невкусные котлеты, и мытьё посуды – всё. Женька одним махом собралась и вылетела на улицу, чтобы собрать мысли. На улице светило солнце, лето было в разгаре. То и дело мимо вышагивали красотки на высоких каблуках, с маленькими сумочками в руках – ох, как эти фифы раздражали Женьку, никто не мог и представить. И Женька красила глаза и губы, но у неё это было как-то не так. Конечно, таким красоткам ничего не стоит такая красота, им это легко. А вот Женьке с её вытянутым лицом и ужасной фигурой нечего и мечтать о такой красоте. От таких мыслей становилось тошно, и Женька забежала в первый магазин, который попался ей на глаза. Над головой нежно прозвенел колокольчик, и продавец, на секунду подняв голову на Женьку, тут же отвернулся и занялся своими делами. От этого Женьке стало не по себе, и она решила купить какую-нибудь книгу, чтобы этот неприятный продавец понял, как важно уделять внимание ей, Женьке. Прошагав с гордым видом к первой стойке с книгами, Женька присела на корточки и стала листать книги, совершенно не глядя на страницы. Недалеко от Женьки две молодые продавщицы распаковывали новые книги из коробок, перетянутых верёвками. Женьку это почему-то очень разозлило – прямо нет другого времени раскладывать свои дурацкие книжки!!! Но лицо одной девушки было настолько милым и доброжелательным, что не хотелось злиться. Они что-то обсуждали из своей жизни, иногда прерываясь на замечания по поводу распаковывания коробок. Одна из девиц, та, что сидела спиной к Женьке, вдруг резко вскрикнула и поднесла руку к губам со словами: «Ой, аккуратнее, не торопись, а то верёвка соскальзывает». Женьке стало очень интересно: как может быть верёвка скользкой, какое-то странное сочетание слов – «скользящая верёвка». И Женька вдруг представила, как молодая и популярная звезда современной эстрады

на такой же точно «скользящей» верёвке скользит вниз, с самого пика популярности в самое подножие. Скользящая верёвка... Как же это глупо... Пожалев о том, что по собственной глупости она зашла именно в этот глупый магазин, наполненный разноцветной бумагой, разнообразно изляпанной краской и дурацкими картинками, Женька решила ничего не покупать, тем более что и денег у неё не было, да ещё в голове крутилась эта глупая «скользящая верёвка»... В итоге: настроение было не самым лучшим, жара просто выматывала, размалёванные девицы, помешанные на своей красоте, которым не было никакого дела до Женькиных бед, доводили до бешенства – и Женька снова поплелась, низко опустив голову, домой, к маленькому голубому экрану. По дороге Женька всё размышляла, будет ли она жалеть о том, что уже очень скоро не будет её среди толпы этих безразличных людей, что не сможет слышать своими ушами разговоры других людей, или как там заведено после смерти? Может быть, наоборот, как было показано в одном из зарубежных фильмов, душа будет обречена на вечные скитания среди этих распаренных тел. Да, честно сказать, такая перспектива не очень-то сильно радовала, и в конце испорченным настроением Женька поплелась по пыльным, заполненным случайными прохожими улицам. Дома не хотелось ничего, даже компьютер раздражал, и в отвратительном настроении Женька улеглась на диван, крепко-крепко зажмутив глаза и страстно желая уснуть, но только так, чтобы совсем без снов, и так, чтоб навсегда. Да, было бы здорово: вот так лёг, закрыл глаза – и всё, мир перестал существовать. Но не просто для тебя, а просто всё вокруг исчезло... Эх, красота, и чтоб и памяти об этом мире не было, и галактики, и Вселенной. Просто ничего не было... Ещё где-то в третьем классе Женька услышала, что Вселенная бесконечна, что нет у неё границ, и сколько бы ни лететь вдоль неё, никогда не будет конца. Тогда Женька не могла представить, как это, да и до сих пор никак в голове не укладывалось, что что-то не имеет границ. Вот и сегодняшний день закончится, пусть и не так скоро, как хотелось бы, и когда-нибудь и жизнь этого дивана закончится, и может, через сто или двести лет даже и памяти не останется о нём, и материал, из которого он сделан, тоже распадётся на элементы, и те, в свою очередь, тоже. И человеческое тело имеет конец, хотя зубы и волосы могут пролежать в могиле много-много сотен лет, как сказал умный дяденька по телевизору, но и они истлеют и растворятся. Кстати, как и сам умный дяденька, как и всё на свете, включая вещества и материалы, даже абстрактные понятия, имеют конец, даже время заканчивается и пространство, как, например, тот пустырь на краю города, который много лет простоял одиноко, а потом, с приходом строительства, и его жизнь закончилась, как и жизнь нового дома должна будет неизбежно закончиться... Потом вдруг перед глазами пронеслась Вселенная, чьи границы были сшиты неровными стежками серыми нитками к такой же Вселенной, и именно поэтому она становилась бесконечной, ведь как только она подходила к своему концу, кто-то неведомый на скорую руку примётывал ещё бесформенный кусочек Вселенной, лишь бы доказать слова умного дядьки, что «у Вселенной нет границ». Потом Женька странным образом летала по этой «штопаной» Вселенной, которая струилась по её телу, иногда задевая колени, как отрезок струящейся чёрной шёлковой ткани, держась руками за жёлтую верёвку, которая всё время соскальзывала...

От пережитого ощущения и долгого философствования проснулась Женька совсем разбитая. От неудобного лежания шея затекла и никак не хотела поворачиваться направо, от открытого окна струился ветерок, и в глаза светил свет одиноких окошек из дома напротив, которые разрезали окружающую темноту своим неровным светом. К сожалению, от летнего времени, когда ребёнок предоставлен самому себе по причине летних каникул, биологическое ощущение времени как-то менялось: днём от жары и духоты всё время тянуло в сон, но не такой освежающий и лёгкий, как зимой, а вялый и тягостный, который даёт только излишнюю усталость. Ночью же, наоборот, от светлых ночей и ночной духоты совсем не хотелось спать. Так и теперь: от тягостных размышлений и пережитых днём событий дневной сон выдался неполноценным, но ещё спать не хотелось. Пытаясь всё же разработать затёкшие мышцы шеи

и недовольно вглядываясь в тёмное пространство комнаты, Женька медленно прошагала на кухню в поисках чего-нибудь съедобного, попутно заглянув в комнату матери и обнаружив её крепко спящей. Уже позже, догрызая яблоко, Женька с усердием пыталась взглянуть в фотографии, на которых было бы изображено красивое тело, перехваченное красивой фигурной петлёй. Пока на первом же фото, которое открыл «всемогущий всезнайка», было изображено посиневшее обезображенное тело с уродливо вытянутой шеей, омерзительно высунутым языком и вывалившимися глазами, которое, даже крепко закрыв глаза и представив ромашковое поле, нельзя было бы и с натяжкой назвать хоть сколько-нибудь милым... Казалось, что от долгого висения само тело пытается выскользнуть из жёсткой петли, которая в одно мгновение вдруг перестала быть скользкой. Стало быть, скользкая верёвка – это миф, такой же, как и бесконечная Вселенная. На одном из фото Женька увидела пугающее изображение расцарапанной, разодранной шеи, обладатель которой в последний миг, очевидно, передумал покидать этот мир, но уже попал в ловкое кольцо скользкой верёвки. Ужаснее всего было то, что крови совсем не было, виднелись только ошмётки кожи, открывающие бордово-синеющую плоть. Обладатель оной, видимо, потеряв уже всякую надежду на спасение, решил выпустить на волю хоть каплю живой крови, которую, похоже, тугая петля уже поглотила без остатка. Вообще не было ни потёков крови, ни намёков на её существование – только лишь плоть, уже отмирающая и отливающая своей синевой. Тела повешенных были странным образом вытянуты, словно бы подсознательно даже после смерти они стремились встать ногами на твёрдую почву. Безобразные фиолетово-сиреневые следы от крепкого объятия с безжалостной верёвкой навели ужас, и в ушах стоял настойчивый звук хрипящей гортани, в которой звуки, стремящиеся на свободу, перемешивались между собой, цеплялись за плоть, впивались в мгновенно сужающуюся трубку, ломая свои хрупкие грани, и превращались в леденящий кровь хрип или храп. Почему-то при ледяном поцелуе смерти ещё ни одному повешенному не удавалось оставить в себе хоть каплю красоты. Не могло быть и слова об эффектной позе или ровно вытянутых носочках – только безобразие, омерзение и ужас. Женька с ужасом отодвинулась от монитора, сумев перелистнуть лишь пару-тройку фото. Руки дрожали, зрачки расширились от страха, дыхание перехватило судорожным спазмом – казалось, что её собственное горло кто-то безжалостный перетянул холодной и вовсе не скользкой верёвкой. Хотелось, чтобы память мгновенно стёрла все воспоминания об изуродованных, обвисших, осунувшихся телах, которые в погоне за быстрым покаянием так низко склонили голову, что не успели услышать над собой такое пугающее шуршание скользкой петли. Натыкаясь в темноте на странно неузнаваемые вещи, Женька в одно мгновение подскочила к выключателю, одним громким щелчком разогнав тьму вокруг себя, но ощущение нехватки воздуха не проходило, и тогда, поддавшись первому порыву, Женька бросилась к единственному островку спасения, уткнувшись носом в тёплое, родное тело матери, слабо сопевшей под махровым покрывалом. Мать, в свою очередь, так и не проснувшись, нежно обняла этот комок страха, окутав дочь собственным теплом и дав ощущение безопасности. Женька свернулась калачиком, прижавшись боком к матери, и, крепко зажмурив глаза, старательно представляла себе ромашковое поле, и ей бы даже это удалось, если бы не тихий, издали звучавший голос миловидной продавщицы: «Скользкая верёвка...»

III

Уже находясь на грани между сном и бодрствованием, Женька услышала, а скорее почувствовала активное шевеление подушки от телефонного звонка. Уже негодуя на звонившего, нарушившего такое приятное пограничное состояние, она вдруг увидела отцовский номер, высвеченный на маленьком светящемся экране мобильного телефона. Сон слетел мгновенно вместе с упавшим на пол одеялом. С тёплым ощущением радости она нажала заветную кнопку, услышав, наконец, такой родной и почему-то уже изрядно забытый голос: «Привет, Жучок! Я

соскучился очень, как ты там? Как мама?» От короткого разговора душа начала петь громкий гимн радости и счастья, и даже солнце стало светить как-то приветливее, чем вчера. Мама снова ничего не оставила на столе на завтрак, как делала это раньше. Это немного разозлило Женьку, которая всячески прокручивала в голове разговор с отцом, спрашивавшим об этой холодной женщине, которая успела мгновенно поменять привычки, в которых больше не стало ни единого упоминания об отце. Но сегодня не хотелось долго злиться, поэтому, засунув в рот бутерброд с маслом и запив его стаканом минеральной воды, Женька радостно побежала на балкон, чтобы посмотреть в лицо миру, который так жестоко шутил с ней, снова подарив ей отца, ещё недавно так жестоко отобранного. На старой скамеечке в парке немного в отдалении от Женьки сидел отец, слегка согнувшись и немного набок наклонив голову, – от этого хотелось громко петь. Вот наконец-то справедливость восторжествовала (по крайней мере, Женьке тогда так казалось). Отцовское лицо как-то осунулось и приобрело какой-то землистый оттенок, и сам он как-то постарел, что ли. Одежда была помята, чего не было раньше, когда мама вывешивала отцовские рубашки, тщательно выстиранные и выглаженные, на вешалку, при этом с любовью приговаривая: «Валерочка, иди завтракать». Вот как так бывает, что из-за громких криков этой чёрствой женщины, так жестоко разрушившей мирную Женькину жизнь, теперь именно ей, Женьке, приходится страдать. Сейчас Женьке очень захотелось сжать так крепко-крепко глаза, и чтобы именно мать ощутила, какую боль причинила она отцу и Женьке, и чтобы вообще лучше её не стало в мире – просто раз, и нет человека. Женька слегка улыбнулась при такой шальной мысли: как так может быть, чтобы раз – и нет человека. «Хотя, – с сожалением подумала Женька, – будь сейчас Наташка рядом, она бы обязательно поняла бы...» Отец в большей степени молчал, так ни разу и не взглянув в глаза Женьке, всё говоря тихо, словно бы выдавал секретные государственные тайны. Расспрашивал о доме, о матери задавал вопросы и как-то странно напрягался в ожидании ответов. Женьке же совсем не хотелось говорить о той, кто с равнодушием и холодностью разрушила всё мирное Женькино существование, и она напрямик спросила отца, глядя ему прямо в глаза: «Пап, а почему ты не вернёшься домой? Мама уже не кричит, её всё время нет дома, а мне так грустно без тебя...» Словно бы ударившись лбом о стену, отец прикрыл лицо рукой и, с усердием растирая виски, как-то странно растягивал слова, словно бы сначала тщательно очищая их от липкой патоки, прочно склеившей их вместе. Отец начал что-то лепетать о том, что «обстоятельства так сложились», «ты не должна винить маму, ей сейчас и так нелегко... не стоит её строго судить», «надо время, чтобы всё устаканилось, а пока не стоит и говорить маме об их встрече» и что-то в этом роде... По словам отца и судя по его внешнему виду, когда он весь словно бы сжался в комок, Женьке вообще показалось, что это не её отец, который утрами напевал песенки, собираясь на работу, который говорил о скором счастливом будущем, когда Женька закончит школу и сможет самостоятельно выбрать собственный жизненный путь. А теперь ни песен утром, ни жизненного пути, ни завтраков, ни Наташки, чьи родители уехали так быстро, что им, собственно, и попрощаться-то времени не было. Весь мир вдруг в одночасье пропал, оставив вместо себя лишь жалкую копию, которая и отдалённо не напоминала оригинал. В том мире всё было так идеально – сегодня Женька это очень хорошо понимала, а тогда почему-то не ценила и всё время говорила Наташке о надоедливых родителях. Теперь мир вообще вдруг стал пресным и бесцветным, как мерзкая морская капуста, которую обожала Наташкина мать и всё время пыталась ею всех накормить. Единственное, что осталось от того цветного мира, так это надоевшая школа, в которой хотя бы можно было весело пообщаться с одноклассниками, а теперь и она вышвырнула Женьку за свои ворота, прикрываясь слабой отговоркой о летних каникулах. В итоге – встреча с отцом хоть и была странно-отчуждённой, но всё же приятной, но даже она закончилась. Теперь в жизни осталась только прежняя серость и уныние, и солнце светило ярко и пыталось выдавить из прохожих ещё хоть каплю влаги. Женька медленно переставляла ноги, которые прочно сковали чёрные грубые джинсы. Хотелось спрятать

голову в песок и сидеть так, ни о чём не думая, хотя, наверное, даже горячий песок не сможет вытравить эти липкие приставучие и никак не желающие уходить мысли об окончании всего этого бреда, называемого многими жизнью. Думать уже не хотелось, а скорее, не то чтоб не хотелось, просто было уже даже как-то больно думать обо всём, что случилось за последние дни. Жизнь рассыпалась на мелкие детали, как мозаика из тысячи деталей, и теперь Женьке предстояло решить, собирать её узором, чтобы вышла картинка, или просто охапкой засыпать опять в коробку. В любом случае нужно было для начала выяснить, кто посмел высыпать на пол эти цветные кусочки картона. От неприятной встречи с любимым отцом осталось какое-то грязноватое чувство, от которого нестерпимо захотелось помыться. Вроде бы отец был так же спокоен, и Женька ждала этой долгой встречи, но ощущение какой-то неискренности, вязкости и лёгкого налёта пыли не уходило. Женька решила прогуляться до ближайшей речки, чтобы хоть немного освежиться и проветриться, так как перспектива снова погрязнуть в пустоте и тишине душной квартиры вовсе не радовала. Остановившись на мосту и слегка облокотившись на перила, Женька приковалась взором к гладкой зеленовато-чёрной поверхности водной глади, блистающей, как зеркало. Вода казалась такой прохладной, что по телу пробежали мурашки, как от холода. Речка давно уже стала декоративным украшением города, которое могут себе позволить жёны не очень состоятельных людей. Так, сверкая блеском бриллиантов и вызывая всеобщую зависть, только единицам принадлежит доступ к правде о том, что блеск, завораживающий взгляды толпы, на самом деле является не чем иным, как преломлением света от поверхности обыкновенного стекла, тщательно подведённого под разряд бриллиантов. Так и речка в городе, манящая своей прохладой и кажущейся чистотой, была обычной стекляшкой, которую мог позволить себе такой захудалый городишко, как тот, в котором Женька провела уже изрядную часть собственной жизни. Поверхность воды, играющая солнечными бликами и создающая возле себя ореол свежести и чистоты, являлась на самом деле старым сосудом, переполненным всяческими нечистотами и кишашим таким многообразием микроэлементов и химических соединений, что сам Менделеев мог только развести руками. Хотя, если не особо вглядываться в мутновато-зелёную поверхность водицы и не особо близко принимать к сердцу историю о химической составляющей, то можно было бы спокойно отдаться во власть ощущению свободы, которое давала освежающая, широко раскинувшаяся шёлковая поверхность губительной влаги. Женька на минуту задумалась о чистоте воды, а потом вдруг крепко зажмурила глаза и представила то ощущение неизмеримой свободы и совсем неземного притяжения, когда бы Женька переступила через заградительную преграду и, отдавшись охватившему чувству, поместила бы собственный корпус, и так изрядно уже уставший от насмешек этого мира, совершенно перпендикулярно недавнему своему положению и совершенно параллельно гладкой прохладной поверхности воды. Вот так, легко и непринуждённо совершив небольшое перемещение вперёд, всего за пару секунд (или сколько там продлится этот полёт) Женька сумеет решить как минимум две проблемы: лишит себя необходимости решать вопрос с мозаикой Жизни и переложит сжигающее чувство вины на плечи родителей. Конечно, не совсем бы хотелось доверить пусть и не идеальное, зато такое родное тело этим пугающим микроорганизмам и микроэлементам, но, по сути, важно ли это будет освежившемуся в последний раз телу, красиво лежащему на зелёной травке, куда его бережно вынесут спасатели? Вот лежит Женька в розовом лёгком платьице, слегка обнажившем колени, в небольших и таких завораживающих капельках воды на щеках, влажные волосы небрежно распластались на песочке, глазки прикрыты, руки в красивой позе застыли, словно бы во время исполнения красивого восточного танца. Толпа желающих помочь собралась вокруг, и слышны вздохи:

– А ведь такая молодая...

– Ещё жить да жить...

– И что же могло толкнуть такое прелестное создание на такой необдуманный поступок...

...Где-то на окраине Женькиных мечтаний появился мешающий звук, портящий всю картину. И вот уже нет ни розового платица, ни жалобных стонов, а только выкрики и возня. Кто же так грубо и совсем бессовестно сумел разрушить все Женькины мечтания?! Открыв глаза, Женька оглянулась, пытаясь выявить виновника, но удалось это сделать не сразу, а лишь внимательно присмотревшись. У моста, внизу, на берегу речки, в тесном кружке, словно быстая мух, собравшаяся взглянуть на что-то интересное, группа мужчин в форменных костюмах склонилась над чем-то совсем непривлекательным.

Не отрываясь от места происшествия, Женька вдруг начала понимать, что чья-то схватка завершилась, пожалуй, не в его пользу. Какое-то синюшное, странно изогнутое существо совсем отдалённо напоминало фигуру человека. Руки были вытянуты вперёд и замерли в какой-то неестественной позе, вытянувши кисти рук, как делают это балерины. Искорёженное, совсем негнущееся тело, которое вывернуло собственные конечности таким образом, что вопрос о гибкости доселе живого существа вызывал изумление. Ноги были слегка согнуты в коленях, словно бы это существо исполняло танец водных фигуристок. Совсем не вязалась с такой странной позой синяя ткань пожухканного вида, с которой стекала вода, в которой по форме угадывались синие брючата, прозванные в народе «треники». Походу это был мужчина, правда, с такого неблизкого расстояния было сложно разглядеть тело, которое обступили спасатели, или, правильнее сказать, «вытаскиватели тела». Видимо, за то время, которое тело провело в воде, полчища микроорганизмов и жалкое подобие рыб сумели хорошо потрудиться над несчастным. Его синяя кожа на руках, которую несложно было разглядеть на фоне бело-живых людей, наводила ужас. Она была не просто синей или слегка синеющей, она была неравномерно сине-чёрно-трупной. Женьке уже отчётливо мерещилась картина, как рыбы-мутанты со стеклянными глазами в окружении злобных микроорганизмов, похожих на мелких червячков, впиваются холодными губами, прикрывающими множество острых зубов, в уже безжизненное тело синего цвета, которое успело напиться водой, как губка. Во рту у Женьки вдруг появился водянистый болотный привкус. Стало как-то противно и навсегда расхотелось есть рыбу. Скорее, из-за большого расстояния, разделявшего Женьку от существа, давно потерявшего последние искорки жизни, Женьку вдруг охватило ощущение нереальности. Так, увидев труп по телевизору, никому и в голову не приходит мысль о том, что за секундной картинкой искорёженного тела стоит целая череда человеческих слёз и боли. Никогда в голову не приходит мысль, что у того островка несвежего мяса, в жилах которого уже давно перестала бежать живая кровь, где-то есть человек, чьё материнское сердце рвётся от боли. И это материнское сердце, навсегда связанное со своим дитём невидимой связью, никогда не сможет пережить до конца потерю своей кровинки, которую многие из нас и за человека-то не считали. Женьке стало совсем не по себе, когда вместо красиво-театральной позы и жалобных причитаний над головой несчастного кто-то из спасателей закурил, накрыл какой-то цветной тряпкой страдальца, потерявшего общее с человеческим обликом, и так же непринуждённо опустился на корточки неподалёку и стал писать бумагу о страшной находке. Никакого траура или причитания, никакой красоты или уколов совести – просто синее, изъеденное холодными рыбьими губами тело, над которым совершали свою работу люди в одинаковых костюмах, уже уставшие от подобных находок и пытавшиеся развлечься глупой шуткой. Из сторонних зрителей была лишь одна Женька, остальные мимо проходящие люди даже глаз не поднимали, спеша по своим делам, так и не увидев это пугающее зрелище. Потом кто-нибудь из них, сидя вечером перед телевизором и уплетая на ужин рыбу, с интересом взглянет на картинку искорёженного существа, так и не отпечатав её в памяти, и тут же зальёт в себя стакан тёплого пива. Последний раз взглянув на поверхность воды, Женька с отвращением отметила безжизненно зеленеющую жижу, в которой под тонким слоем холодного зеркального блеска с жадностью облизываются безжизненные рыбы губы, ещё совсем недавно пожиравшие плоть. Стало как-то жутко при одной только мысли, что ещё несколько секунд назад наивный Женькин мозг,

рисующий всё цветными тёплыми красками, чуть не отправил её в ледяную мокрую могилу. Какая красота и покой на дне морском, когда человеческое совершенство вдруг превращают в такое жалкое кривое безжизненно-синюшное существо?! Хотелось бежать прочь от такого несправедливого отношения Жизни к человеческому существованию... Дома Женька наотрез отказалась от мысли умыться, чтобы почувствовать свежесть и облегчение от тёплой воды, – уж слишком много пришлось ей насмотреться на результат такой свежести. Глубоко вздохнув, Женька вдруг почувствовала собственную беспомощность в управлении своей судьбой. Устав от постоянных ударов суровой действительности, Женька в то же время прекрасно понимала невозможность красивой и лёгкой смерти как возможности ухода от суровой действительности. Хотя, с другой стороны, какая уже разница будет для мёртвого тела, как оно будет лежать и сколько его будут обглаживать бездушные рыбы, но само понимание того, что над собственным телом так равнодушно и безжалостно будут издеваться, как-то не радовало. Хотелось, чтобы уход от проблем стал в большей степени и уколom совести для родителей, которые и создали все условия для невыносимой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.